

"ПОЛЕ БОЯ - ПРИБАЛТИКА". РАННИЕ ПЛАНЫ КОНФЛИКТА С СССР ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ ВЕРМАХТА В 1935-1938 гг.

"BATTLEFIELD - THE BALTIC REGION".
EARLY PLANS OF THE HIGH COMMAND
OF THE WEHRMACHT FOR A CONFLICT
WITH THE USSR IN 1935-1938

G. Popov

Annotation

The article lights upon an early plans of the military leadership of the Nazi Germany on the war with the Soviet Union. The author argues on base of the German documents that Germany was actively preparing for a war with the Soviet Union even before the development of the plan Barbarossa, but the Soviet Union in the 1930s was not considered by the German high military command as a priority potential enemy. The main area of the fighting against the Red army in the plans of the German command were the Baltic States. The author argues that the political priorities of the Nazi regime in the 1930s was placed in favor of a military confrontation with France and Britain, therefore, the author believes that the Molotov-Ribbentrop Pact not so radically contradicted the main geopolitical lines of the Nazi regime.

Keywords: Second World war, military strategy, military planning, Nazi Germany, geopolitics of the Nazi regime.

Попов Григорий Германович
К.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации

Аннотация

В статье идет речь о ранних планах военного руководства нацистской Германии по развязыванию войны с Советским Союзом. Автор доказывает по немецким документам, что Германия активно готовилась к войне с СССР еще до начала разработки плана Барбаросса, но СССР в 1930-е гг. не рассматривался германским высшим военным командованием в качестве приоритетного вероятного противника. Зоной основных боевых действий против Красной армии в планах германского командования являлась Прибалтика. Автор приходит к выводу, что политические приоритеты нацистского руководства в 1930-е гг. были расставлены в пользу военного столкновения с Францией и Британией, поэтому, пакт Риббентроп-Молотов не столь радикально противоречил основной геополитической стратегии нацистского режима.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, военные стратегии, военное планирование, нацистская Германия, геополитика нацистского режима.

Ранние сценарии и планы военного руководства нацистской Германии по поводу вооруженного столкновения с СССР получили недостаточное отражение в отечественной историографии. Как в России, так и на Западе историки обычно делят советско-германские отношения до начала Великой Отечественной войны на три этапа: от Рапалло до прихода в Германии к власти Гитлера, от января 1933 г. до Пакта Риббентроп-Молотов, и от этого пакта до нападения нацистской Германии на СССР. Период между Брестским миром и Рапалло рассматривается как переходный, так как в обеих странах устанавливались новые режимы, находившиеся в состоянии поиска своей внешнеполитической линии, а СССР возник в самом конце 1922 г.

Во многих трудах по советско-германским отношениям, (например, в известной монографии Л. Риса) утверждается, что Пакт Риббентроп-Молотов поразил всех, как "гром среди ясного неба" [6, с. 20-40]. С точки зрения западных демократий, а также Коминтерна и значи-

тельной части представителей коммунистических партий в СССР и за его пределами пакт стал именно таким фактом [9, с. 117]. Но, если посмотреть немецкие документы по военной политике до 1939 г., то ситуация представляется несколько иной, хотя германское военное руководство не рассматривало саму возможность соглашений с Кремлем, подобный пакту Риббентроп-Молотов. Менее категорична в этом вопросе Ю.З. Кантор, по ее мнению, сохранение общих интересов между СССР и Германией в 1930-е гг. подтолкнули стороны к поиску соглашений, что и выразилось в пакте Риббентроп-Молотов. В то же время автор выдвигает в некоторой степени противоречащее этому мнению, что нацистский режим готовился к войне с Советским Союзом еще задолго до пакта [3, с. 258-284]. Однако в монографии Ю.З. Кантор недостаточно проработан вопрос характера планировавшегося нацистами в 1930-е гг. конфликта с СССР. Именно в свете изучения этого вопроса мы сможем лучше понять, почему германская сторона пошла на заключение пакта с Москвой.

Мейнстрим российской историографии продолжает отстаивать свою точку зрения по поводу пакта Риббентроп–Молотов о том, что обе стороны пытались друг друга обмануть и оттянуть время. Например, профессор В.П. Зимонин выводит решение Гитлера заключить пакт со Сталиным неуверенностью в своих возможностях воевать с СССР, а также из-за поражения Японии на Халхин-Голе. Он пишет, связывая события на Дальнем Востоке с пактом: "С другой стороны, СССР про демонстрировал Германии неспособность Японии вести масштабную войну против него, а сама Германия еще была в то время не готова в одиночку выступить против Советского Союза, что, вместе взятое, и вынудило А. Гитлера инициировать переговоры по договору о ненападении. И.В. Сталин смог чутко уловить своеобразие сложившейся ситуации и умело воспользовался ею и переговорами по договору для недопущения скоординированных действий Германии и Японии" [2, с. 92]. Дело в том, что в ранних планах высших военных кругов нацистского режима японский фактор в предстоявшей войне с СССР действительно учитывался, но до координации действий на уровне союзнических отношений было еще далеко.

В.П. Зимонин жестко связывает дипломатию и военную политику в советско–германских отношениях. Получается, что военная политика и стратегии нацистов органично переплетались с их внешней политикой. Подобный подход к анализу советско–германских отношений мы считаем абсолютно справедливым, однако необходимо учитывать, что до Мюнхенской конференции в германском руководстве значительную роль играли фельдмаршал В. фон Бломберг и другие военачальники. Поэтому следует отделять стратегии верхушки НСДАП от сильно влиявших на правительственную политику планы германского генштаба, разработка которых осуществлялась, правда, с активным участием Гитлера. В этой связи путь Германии к пакту Риббентроп–Молотов рассматривается нами через призму военных планов нацистского режима. Мы предполагаем, что не Гитлер, а его генералы не были до блицкрига во Франции уверены в возможностях вермахта вести войну против СССР, кроме серии ограниченных действий в Прибалтийском регионе. Кроме того, высшее военное руководство вермахта рассматривало Францию в качестве главного противника, и уже ближе к Мюнхенской конференции военная политика рейха ориентировалась преимущественно на предстоящий конфликт в Западной Европе.

Целью данной статьи является показать, как в военных стратегиях нацистской Германии до Мюнхенских соглашений рассматривалась роль СССР в предстоящем крупном вооруженном конфликте, как немецким военным планировщикам представлялось столкновение вермахта с Красной армией. 26 июня 1936 г. появилась директива В. фон Бломберга о подготовке вермахта к войне. За время, прошедшее с марта 1935 г. по лето 1936 г.

внешнеполитическая стратегия Гитлера не претерпела особых изменений, главными противниками оставались Чехословакия, Австрия, Польша. Однако у военных были свои соображения, и в то время Бломберг имел большое влияние на Гитлера, поэтому взгляды германского Генштаба были устремлены на Запад. Разработанные в 1935 г. планы "Рот" и "Грюн" считали основным театром боевых действий германо–французскую границу, при этом вермахт должен был вести наступательные операции. Главным поводом для войны, как предполагал немецкий Генштаб, должно было стать вторжение в Чехословакию. В июле 1936 г. возник план "Рот–Грюн", где Германии предстояло воевать практически против всей Европы, включая СССР. В ходе учебных общегерманских маневров в мае 1936 г. командование вермахта убедились, что западные провинции рейха не располагают достаточной транспортной инфраструктурой для быстрого развертывания войск [10, Л. 3].

Тем не менее, все эти планы носили общий характер. В перечне мероприятий по подготовке Германии к войне в директиве Бломберга от 26 июня 1937 г. обращает на себя внимание пункт "б", который гласит: "обеспечить внезапность начала войны по времени и ведение ее такими силами, о которых противник не предполагает" [1, с. 211]. Таким образом, речь явно идет о подготовке к агрессии. Пункт "в" указывает на то, что Бломберг рассматривал главным театром военных действий район линии "Зигфрида", так как в этом пункте говорится о подготовке к быстрой переброске сил вермахта из Восточной Пруссии. Среди вариантов возможных боевых действий, для которых следует разработать порядок развертывания основных сил, Бломберг определяет: вторжение в Австрию, войну с "красной" (республиканской) Испанией, военный конфликт с Англией, Польшей и Литвой. Но в части второй директивы говорится о вероятной войне с Францией на Западе и Россией и Чехословакией на Востоке. Однако Бломберг считал, что возможен вариант, при котором Франция нападет первой, если Чехословакия и Россия ее поддержат.

Дело в том, что в 1935 г. между СССР и Францией действительно велись переговоры о создании антигерманского союза. Французский Генштаб отверг этот проект, сославшись на то, что Красная армия просто не будет технически в состоянии помочь Франции. Инициатором этого несостоявшегося союза был тогда еще социалист и премьер-министр Франции П. Лаваль. Бломберг был уверен, что Польша все-таки не выступит на стороне антигерманской коалиции, что находит отражение в его директиве: "Судя по политической ситуации на данный момент, совершенно невероятно, что Польша примет участие в войне против нас, например, на стороне России" [1, с. 214]. Однако во всех случаях в планах 1937 г. СССР рассматривается, как сторона, проводящая наступательные операции против Германии. Судя по общегер-

манским военным учениям мая 1936 г., вермахт готовился именно к варианту, когда Франция предпримет наступление первой. "Рот и Грюн" был планом обороны Германии в случае выступления против нее одновременно большой группы государств, включая Британию и СССР. Как пишет Бломберг, "в этом случае наше военное положение ухудшилось бы в критической мере, могло бы даже стать безнадежным" [1, с. 214]. Отметим важную деталь: Бломберг рассматривал участие России и Польши в одной коалиции, как крайне маловероятное явление, что в целом соответствовало сложившейся в то время политической ситуации.

В директиве сказано, что в случае наступления Франции против Германии "первой задачей сухопутных войск будет, приняв бой возможно ближе к границе, воспрепятствовать продвижению противника в направлении на р. Рейн и форсированию этого рубежа, а также выходу противника в область Шварцвальд, и возможно дальше удерживать район Вестергейн севернее р. Мозель" [1, с. 213]. Общегерманские учения июня 1936 г. проходили именно с акцентом на таком варианте и именно в районе Шварцвальда [10, Л. 3–8]. В дополнение к директиве от 26 июня 1937 г. 7 декабря 1937 г. появились новые соображения В. фон Бломберга, которые были результатом влияния Гитлера на выработку стратегии подготовки к войне. Вариант "Грюн", то есть вариант войны на два фронта, но с "блицкригом" на территории Чехословакии и достаточно вялыми действиями Франции на Западном фронте, выдвигался на первый план. Вероятность нападения Франции на Германию теперь оценивалась, как низкая [1, с. 213].

21 декабря 1937 г. появилась уточняющая директива, согласно которой вариант "Грюн" мог быть приведен в действие в случае отказа Англии и Франции от борьбы за Чехословакию либо при условии полной готовности Германии к войне, чего в 1938 году не могло произойти. Бломберг в основном уповал на нейтралитет Англии и сговывание Италией Франции на Средиземном море. В связи с дополнениями от 21 декабря 1937 г. интересна его следующая формулировка: "Как только Германия достигнет полной готовности к войне во всех отношениях, создадутся военные предпосылки для победоносного проведения наступательной войны против Чехословакии и тем самым решений проблемы немецкого жизненного пространства даже в том случае, если какая-нибудь великая держава выступит против нас" [1, с. 213]. Означало ли это, что Гитлер изменил в очередной раз своим политическим принципам, решив ограничиться только несколькими бывшими провинциями Австро-Венгрии, включая и саму Австрию, куда Бломберг предлагал "зайти" по ходу захвата Чехословакии? Едва ли Гитлер отказывался от конфликта с Польшей, которая, впрочем, в дополнениях от 21 декабря не рассматривалась в качестве противника, хотя СССР определенно выступал в такой

роли, как защитник Чехословакии. Впервые фашистская Италия выступала, как союзник Германии против Франции, хотя еще несколько лет назад Гитлер считал, что даже вполне может встать на стороне Парижа.

Что изменилось в директивах по подготовке к войне в 1938 г., когда военные расходы Германии значительно возросли, и почему позиция Германии в австрийском и чехословацком вопросах так стремительно корректировалась во втором полугодии 1937 г.? В начале июня 1937 г. Ф. фон Папен провел переговоры с послом Великобритании Н. Гиндерсоном, который заверил его, что правящие круги Британии полностью разделяют антибольшевистские взгляды Гитлера, намереваясь подчинить борьбе с большевизмом внешнюю политику своего государства, поэтому присоединение к рейху Австрии в Лондоне готовы воспринять позитивно. Как сказал Н. Гиндерсон, надо только убедить Францию смягчить свою позицию в этом вопросе, на что требовалось время [1, с. 214]. И позиция Парижа действительно смягчилась, так как в начале ноября 1937 г. премьер-министр Франции К. Шотан сообщил через фон Папена Гитлеру, что готов предоставить нацистскому режиму свободу действий в Восточной и Юго-Восточной Европе в обмен на согласованность внешней политики Германии с официальным Парижем [1, с. 214]. Как следует из слов Шотана, французы не возражали против усиления германского влияния в Австрии.

Предшественник К. Шотана Л. Блюм, лидер Народно-го фронта и социалист, пошел в свое время еще дальше – он вел переговоры с К. Нейратом и Я. Шахтом о "разрядке" отношений с Германией посредством уступки ей Камеруна, потерянного немцами в результате поражения в Первой мировой войне [5, с. 35–36]. Л. Блюм также обещал расширение экономического сотрудничества с бедной сырьевыми ресурсами и страдавшей тогда от дефицита продовольствия Германией. Но в обмен он требовал существенного ограничить вмешательство Германии в гражданскую войну в Испании. Гитлер колебался, поскольку предложение действительно было заманчивым. Правда, с экспансией на Восток Германии в таком случае надо было повременить. Но произошло событие, спутавшее карты К. Нейрата и Л. Блюма – инцидент под Альмерией. В районе этого небольшого испанского города-порта подорвался на mine английский эсминец "Хантер", которого отбуксировали на свою базу республиканцы. Это событие осложнило отношения Германии с Британией, а, значит, и с Францией.

Таким образом, ситуация менялась кардинально – Франция превращалась из потенциального противника в политического партнера Германии, а Британия готова была самоустраниться. Но какую реакцию на экспансию в Восточной Европе ожидали в Берлине от СССР? Из директив Бломберга определенно следует, что СССР рас-

смастривался как сила, которая вмешается в европейский конфликт в случае его возникновения. На совещании 5 ноября 1937 г. в Рейхсканцелярии Гитлер высказал большие сомнения по поводу вероятности вмешательства СССР в конфликт Германии с Чехословакией, причина – осложнение отношений Москвы с Японией. Кроме того, Гитлер полагал, что быстрота действий против Чехословакии не позволит СССР даже соответствующим образом среагировать на развитие ситуации в этом конфликте [1, с. 123–130]. Гитлер надеялся успеть поставить Москву перед свершившимся фактом, проведя быструю оккупацию Чехословакии, до того, как Кремль успеет провести какие-либо мероприятия по мобилизации Красной армии.

Что касается подготовки в 1937 г. оперативного отдела Генштаба к конфликту с СССР, то здесь мы наблюдаем достаточно вялую реакцию на потенциальную угрозу со стороны России. Отдел Т–3 Генштаба вермахта рассматривал СССР в 1937 г. как одно из потенциально нейтральных в предстоявшем конфликте государств [10, с. 707–721]. В 1936 г. эксперт этого отдела К.А. Шпальке сделал доклад, в котором указал на вероятность ослабления западных военных округов СССР в случае конфликта с Японией. Т–3 собирал сведения об СССР в связи с планами Гитлера провести вторжение в Чехословакию. Высшее руководство рейха в первую очередь интересовалось вопросом потенциальной возможности Красной армии принять участие в планировавшемся конфликте.

В связи с тем, что после урегулирования отношений с Британией и Францией Германия более не опасалась за свои западные рубежи, а воевать с СССР в обозримом будущем не собиралась, уповав на Японию, как на сдерживающий Москву фактор, то главными противниками оставались Чехословакия и Австрия. О Польше на совещании 5 ноября 1937 г. было сказано очень кратко, фактически польский вопрос почти перестал фигурировать в планах вермахта. Для реализации плана быстрого захвата Чехословакии, как считал Бломберг, необходимо было как можно скорее прорвать систему ее укреплений ударом бронетанковых соединений. Войск для решения чешского и австрийского вопросов Германии требовалось немного, поэтому процесс строительства вооруженных сил Германии был направлен в основном на повышение качества личного состава и вооружений. Между тем до конца 1937 г. доминировал курс на увеличение индекса развертывания.

Несмотря на потепление отношений в 1937 г. между Британией и Германией, все-таки "пробежал холодок" на знаменитой охотничьей выставке в Берлине 19 ноября 1937 г., куда прибыл министр иностранных дел Британии лорд Галифакс, который предложил Гитлеру вернуться к схеме "пакта четырех". Гитлер возразил на данное пред-

ложение, сославшись на то, что Германия продолжает нести бремя, возложенное на нее Версалем, так как ей отказано в праве иметь колонии. Галифакс ответил, что вопрос с колониями сложный, требующий длительной выработки решений, но "утешил" Гитлера тем, что Англия готова пойти на уступки в чехословацком, австрийском и данцингском вопросах [7, с. 384]. Гитлер был столь расстроен беседой с Галифаксом, что отказался впредь встречаться с английскими дипломатами, передав эту функцию министерству иностранных дел. 2 декабря 1937 г. послу Германии в Великобритании И. Риббентропу было заявлено в Форин офисе, что "вопрос об Австрии имеет гораздо больший интерес для Италии, чем для Англии; помимо того, в Англии полагают, что на каком-то этапе между Германией и Австрией будет установлена более тесная связь" [7, с. 384]. Очевидно, что Лондон подталкивал Муссолини на обострение отношений с Германией, вместе с тем, термин "связь" в отношении австро-германских дел можно интерпретировать как согласие Лондона на расширение сотрудничества между Германией и Австрией, но не аннексию рейхом дунайской республики.

Впрочем, Гитлер предполагал, что Англия проявит упорство в колониальном вопросе, поэтому на совещании 5 ноября 1937 г. он определил ее как вероятного противника. 4 мая 1938 г. фюрер поставил задачу перед ВМС быть готовыми нарушить британские коммуникации в Атлантике к весне 1940 г. [4, с. 197]. Это было уже более конкретное и радикальное решение по поводу Великобритании, чем то, что прозвучало на совещании 5 ноября 1937 г. В том же мае 1938 г. командование ВМС поставило Гитлера перед фактом, что линейный флот Германии не готов к борьбе с Британией. Соответственно, в военной политике надо было брать курс на развитие флота, однако Германия не располагала для этого достаточными ресурсами.

Реакция министерства иностранных дел Великобритании по австрийскому вопросу в начале декабря 1937 г. явно указывает на то, что официальный Лондон уже был готов пересмотреть свою политику по отношению к Германии в пользу сдерживания Гитлера. Однако практически вся военная политика Германии была в то время ориентирована на реализацию континентальной стратегии, а теперь надо было переориентировать промышленность на выпуск тяжелых морских и воздушных вооружений. Столь же сдержанным оказался в переговорах ноября 1937 г. с Ф. фон Папеном премьер-министр Франции К. Шотан, который заявил, что "нет возражений против значительного расширения немецкого влияния в Австрии при условии, что оно будет достигнуто путем эволюции" [7, с. 386]. Это двусмысленное заявление Шотан сделал после слов фон Папена по поводу экспансии Германии в Дунайском бассейне, под чем немецкий дипломат понимал установление немецкого контроля над всем Балкан-

ским регионом, с чем французы согласиться, разумеется, не могли [7, с. 386].

В мае 1938 г. в Европе наступил кризис, который мог перерасти в крупномасштабную войну. Гитлер понимал, что у него нет сильного флота для борьбы с Англией, поэтому удар по ее коммуникациям в Атлантике был перенесен на 1940 г., хотя командование ВМС сомневалось и на этот счет. 21 мая 1938 г. Британия и Франция категорически предостерегли Германию от враждебных действий против Чехословакии. Генеральный штаб вермахта считал перспективу войны на два фронта катастрофической для рейха. 25 мая 1938 г. нарком иностранных дел М.М. Литвинов заверил чехословацкого посла, что СССР полностью одобряет мобилизационные мероприятия Чехословакии и заверил его в готовности советской стороны оказать военную помощь против Германии [7, с. 411]. Однако практически Красная Армия была не в состоянии на суше поддержать чехов, так как у Советского Союза не было с ними общей границы. Позиция Польши была явно антисоветской, поэтому Варшава едва ли согласилась бы пропустить советские войска через свою территорию.

21 мая 1938 г. Гитлер на совещании с главами ведомств заявил о временном прекращении подготовки вторжения в Чехословакию [7, с. 412]. Заметим, что Гитлер принял такое решение после решительных заявлений британской и французской сторон, реакция М.М. Литвинова последовала уже 25 мая. Гитлер принимал решение под нажимом военных, которые считали, что война на два фронта будет Германий губительной. Начальник Генштаба генерал Л. Бек оценивал положение Германии как сложное. 5 мая 1938 г. он отметил, что в результате заключенного между Великобританией и Италией соглашения англичане получили свободу рук в Европе, так как им не надо было более беспокоиться за свои коммуникации в Средиземном море. Большие потери Японии в Китае, по мнению Бека, обеспечили Великобритании прочные позиции на Дальнем Востоке, что позволило Лондону обращать больше внимания на европейские дела. СССР рассматривался Бекон как безусловный противник, но сухопутную войну с русскими генерал считал задачей отдаленной перспективы. Речь шла опять о возможном вмешательстве Советского Союза в будущий германо-чехословацкий конфликт. Относительно Польши Бек был спокоен, т.к. она, по его мнению, вступит в войну, если ее подтолкнут к этому извне [1, с. 231].

Далее Бек делал верный прогноз по поводу поведения западных союзников в случае войны: "Отвращение в Англии и Франции к новой мировой войне, связанной с большими людскими жертвами, а также неуверенность Франции в возможности вовлечь свой народ с самого начала в наступательную войну против Германии позво-

ляют сделать предположение, что будут изыскиваться другие методы ведения войны. К тому же следует добавить, что с того момента, как Англия встанет на сторону Франции, слово Англии в определении целей и методов ведения войны будет иметь решающее значение" [1, с. 233]. В решительное наступление французской армии против рейха Бек не верил, как, впрочем, и Гитлер. Однако Бек полагал, что союзники будут выматывать Германию посредством затяжной позиционной войны с широким применением авиации, а также путем нарушения морских коммуникаций, связывающих страну с внешним миром. К такой войне, Германия не была готова, так как ее экономическое положение оказалось в 1938 г. еще хуже, чем в 1917–1918 гг., а военный потенциал, по сравнению с показателями враждебных стран, ниже, чем в 1914 г. [1, с. 231]. Экономика Германии действительно обнаружила в первом квартале 1938 г. кризисные тенденции, курс рейхсмарки упал на Лондонской бирже на 35%, в апреле правительство разместило первый внутренний заем, отказавшись от покрытия своих расходов векселями "МЕФО" [7, с. 413]. Дефицит валюты ограничивал нацистский режим в закупке стратегического сырья.

Зимой 1938 г. стартовало ускоренное формирование новых частей вермахта, которое должно было завершиться в начале октября 1938 г., что и произошло как раз накануне Мюнхенского кризиса. Уже существовавшие дивизии дополнялись новыми подразделениями, этот процесс охватил практически все сухопутные соединения вермахта [12, Л. 16–21], но в разной степени. Например, 3-я танковая дивизия получила 39-й танковый батальон, а также 37-й инженерный батальон [12, Л. 21]. Другая танковая дивизия с загадочным кодовым названием "К" получила 17-й, 19-й, 23-й, 27-й и 29-й танковый полки, а также ряд других частей (дивизия фактически была сформирована практически с нуля) [12, Л. 16]. По-видимому, эту дивизию потом должны были разделить на несколько дивизий, что подтверждает версию о нехватке в вермахте командного состава и особенно штабных офицеров в 1938 году. О других танковых частях в плане подготовки новых частей вермахта не говорится. Формирование новых батальонов шло за счет перемещения персонала из уже существовавших частей [12, Л. 23], то же самое будет иметь место при подготовке к войне с Советским Союзом в 1940 г.

В 1938 г. в корпуса включались вновь сформированные моторизованные пулеметные батальоны [12, Л. 29]. Упоминается, что формирование батальонов данного типа шло и ранее, однако запланированные к зиме 1938 г. несколько моторизованных пулеметных взводов так и не были сформированы к весне 1938 г. [12, Л. 29]. Для создания моторизованных пулеметных батальонов вермахт был вынужден изымать личный состав из других подразделений. Для усиления разведпод-

разделений танковых соединений командование вермахта было вынуждено переводить к танкистам личный состав мобильной разведки кавалерийских дивизий, ослабляя их боеспособность [12, Л. 30]. Если кавалерия все-таки модернизировалась и усиливалась за счет увеличения числа тяжеловооруженных подразделений, то в артиллерии наблюдалась иная картина. В IV и XII корпусах у вновь сформированных подразделений в первом квартале 1938 г. наблюдалась острая нехватка личного состава. Это имело место и в танковых частях [12, Л. 32, 34]. Решить эти проблемы командование смогло только в течение лета – осени 1938 г.

Что касается замыслов на 1938 г. по определению вероятного противника и проведению мероприятий по подготовке к войне с ним, то серьезных изменений для сухопутных сил вермахта практически до Мюнхенских соглашений не произошло. На Востоке вероятным противником рассматривался в первую очередь СССР, роль которого определялась, как наступательная. По версии ОКХ, Советский Союз должен был оказать помощь Чехословакии ударом через Литву посредством своих ВВС по территории Восточной Пруссии с переходом затем через немецко-литовскую границу уже сухопутных сил Красной армии. В соответствии с этим сценарием, вермахт должен был разгромить литовскую армию в приграничных сражениях с переходом в наступление вглубь литовской территории, создав из нее предполье, через которое Красная армия не могла бы прорваться на германскую территорию [11, Л. 2].

Глубокий прорыв вплоть до Каунаса мобильных соединений вермахта должен был сорвать как сосредоточение литовских войск, так и попытки оказания им помощи со стороны Польши. По итогам учений в Восточной Пруссии летом 1938 г. был сделан вывод, что тех сил, какими располагает Германия в этом регионе, способность вермахта защитить его выглядела довольно сомнительной в том случае, если Польша вводила в действие 10–15 своих дивизий [11, Л. 33]. Польское наступление должно было сорвать операцию вермахта против Литвы, в противном случае для защиты Пруссии оставалась только Вторая ландверная дивизия [11, Л. 33]. ОКХ сомневалось, что Польша упустит благоприятную политическую и военную возможность вмешаться в конфликт на стороне Франции [11, Л. 34]. Поэтому ОКХ был сделан вывод, что удар по Литве может быть успешным только, если Польша будет соблюдать после начала боевых действий нейтралитет в течении 10 – 14 дней [11, Л. 34]. В противном случае I-ю армию вермахта ожидал полный разгром.

ОКХ в своей оценке перспектив наступления в Литве в случае большой европейской войны исходило из гипотезы, что основные силы вермахта будут скованы Францией на Западе, в таком случае даже десяток польских

дивизий и незначительные ВВС Польши будут представлять серьезную угрозу Восточной Пруссии. Это указывает на то, что летом 1938 г. вермахт не имел достаточно сил для войны на два фронта. Тому, что границу с Францией удастся долго прикрывать минимальными силами, в ОКХ не верили, в отличие от Гитлера, который возлагал надежды на укрепления. Кроме того, в ходе учений выяснилось, что I-я армия не обладает достаточными возможностями, чтобы овладеть Каунасом, не рискуя своими флангами, даже в течении недели [11, Л. 47]. Таким образом, выводы по результатам учений 1938 г. в Восточной Пруссии ставили крест на всем плане большой войны. Получался сценарий повторения 1914 г., но только в еще худшем варианте, когда против Германии действовала еще польская армия, и Восточная Пруссия была отделена от остальной Германии "коридором" [11, Л. 49].

Во время учений на Везере, на которых присутствовал Гитлер, были выявлены недостатки в организации вермахта, слабая согласованность и вялое применение люфтваффе для поддержки сухопутных сил; медленное подтягивание мобильных сил на опасные участки фронта [11, Л. 63–73].

Тем не менее, Гитлер решился на агрессию против Чехословакии и реализацию плана "Грюн" в сентябре 1938 г. Тщательная разведка состояния обороны Чехословакии показала, что ее вооруженные силы не готовы к войне, на каждую развернутую вдоль границы с Германией чешскую дивизию приходился фронт ответственности в 120 км, укрепления пришли в упадок [1, с. 275]. Возможности Франции начать наступление и добиться в ходе него успехов были оценены ОКВ как нулевые уже в августе 1938 г. Как заявил Гитлер, для обороны против Франции он мог бросить 40 дивизий, 2000 ПТО и противотанковых мин было, как он считал, вполне достаточно для отражения танковых атак французов.

Для того, чтобы полностью обезопасить рейх на Западе, Гитлер еще до совещания 28 августа 1938 г. потребовал от ОКХ сформировать двадцать резервных дивизий, на что получил первоначальный отказ, поскольку для этих дивизий не хватало командных кадров и материальных средств [1, с. 271]. Тем не менее, в итоге эти соединения были созданы, поэтому в первые три недели конфликта ОКХ готово было выставить на западном фронте восемь резервных дивизий и позднее остальные двенадцать. Однако у генералов были существенные возражения, так как на каждую дивизию на Западе приходился фронт шириной 20 км, и в случае вступления в войну Бельгии и Голландии вермахту пришлось бы сдать Пфальц, на что Гитлер возразил, что он уничтожит голландскую армию превентивным ударом. О возможном вмешательстве СССР в конфликт на сове-

щаниях конца августа – первой половины сентября 1938 г. не упоминалось.

Очевидно, Гитлер вернулся в августе 1938 г. к континентальной стратегии по плану "Грюн". 20 резервных дивизий, на быстрейшем формировании которых он настаивал, составляли, по признанию фон Браухича, практически единственный стратегический резерв вермахта. Упадок вооруженных сил Чехословакии, как и Франции, вселял в Гитлера надежду на быстрый успех в реализации плана "Грюн". То же самое касается и Британии, чья сухопутная армия довооружалась и перевооружалась слишком медленно, во Францию англичане могли перебросить только пять пехотных дивизий и одну танковую бригаду. Для прорыва укреплений, по признанию Гитлера, у сухопутных сил вермахта не было специальной артиллерии, орудия не годились даже для разрушения чешских укреплений.

Советский Союз не выступал до Мюнхенских соглашений, как сила, против которой, в понимании высшего руководства рейха, надо было проводить особую военную политику, основным театром боевых действий в случае столкновения с СССР рассматривалась Литва. Польша также воспринималась в Берлине как внешняя угроза в случае конфликта из-за Чехословакии. В 1938 г. Германия однозначно не могла успешно вести наступательную войну на два фронта, но она могла обороняться по сценарию 1914 г. Ради оккупации Чехословакии Гитлер готов был пойти даже на такой вариант, что спровоцировало начало заговора генералов, который в июле 1938 г. возглавил генерал Л. Бек.

Тем не менее, уже до Мюнхена западные союзники оттягивали на себя с Востока значительные ресурсы рейха. Гитлер начал на границе с Францией операцию "Лимес", развернул мероприятия по созданию сети укреплений, к сентябрю 1938 г. были задействованы 148 тыс. рабочих. Ежедневно для обеспечения строительных работ подавались 5 тыс. вагонов, что составляло 100 поездов. Столь интенсивное использование для этих целей железнодорожного транспорта даже не позволяло германским войскам провести стратегическое развертывание [1, с. 273], поэтому "Лимес" на время пришлось приостановить. В начале сентября 1938 г. Гитлер приказал начать строительство 300 – 400 дополнительных огневых позиций в районах Аахена и Саарбрюкена с установкой 1600 орудий [1, с. 274].

Помимо этого, строительство линейного и подводного флотов для борьбы с Великобританией было также достаточно дорогостоящим предприятием. Оттягивание сил на границу с Францией долго не позволяло Гитлеру решиться на агрессию против балканских государств и Польши, хотя Ф. фон Папен, как и ряд других нацистов, еще до аншлюса Австрии "прощупывали" вариант экспансии в Юго-Восточной Европе, но без вмешательства Великобритании. Путь к Пакту Риббентроп–Молотов у нацистского руководства лежал через нарастание уверенности в способности Германии вести войну на два фронта, особенно эта уверенность прослеживается по плану операций против Красной армии в Литве. Правда, в то время еще не была выработана стратегия по отношению к СССР сходная с той, что была изложена спустя почти два с половиной года в плане "Барбаросса".

ЛИТЕРАТУРА

1. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933 – 1941. М.: Наука, 1973. 776 с.
2. Зимонин В.П. Интриги кануна Второй мировой войны: японский и польский факторы советско-германских отношений. Часть 2. Домыслы и правда о межвоенной политической реальности // Пространство и время. 2012. № 4 (10). С. 89–99.
3. Кантор Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов. М.: РОССПЭН, 2014. 383.
4. Попов Г.Г. Поражения, которых могло не быть. М.: Алгоритм, 2016. 532 с.
5. Попов Г.Г. Юго-Западное Средиземноморье как фактор в военной экономике и внешнеэкономической политике нацистской Германии // Вестник МГОУ. Серия: Исторические и политические науки. 2014. № 5. С. 33–39.
6. Рис Л. Сталин, Гитлер и Запад. Тайная дипломатия великих держав. М.: Астрель, 2012. 576 с.
7. Розанов Г. Германия под властью фашизма. М.: Международные отношения, 1964. 516 с.
8. Тайны дипломатии Третьего рейха. 1944 – 1955. М.: Международный фонд "Демократия", 2011. 880 с.
9. Чубарьян А.О. Российско-германские отношения (август 1939 – июнь 1941). "Смена вех" в теории, идеологии и пропаганде // Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию с начала Второй Мировой Войны. М.: МГИМО (У) МИД России, 2009. С. 115–125.
10. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 500. Оп. 12451. Д. 5.
11. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 20.
12. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 94.